

В летописях раскольничьего «Преображенского кладбища» в Москве знаменательный 1812 год наполнен событиями падения и сожжения Москвы Наполеоном I. Слухи о приближении французов к Москве, распространившись по городу, скоро дошли и до Преображенского раскольничьего кладбища. 1 сентября 1812 года наша армия выступила, как известно, из Мамонова к Москве, где по общему убеждению должно было победить или пасть... Москва не знала, что с нею будет? О ее судьбе на Поклонной горе князь Кутузов, 1 сентября в собрании первенствующих генералов, думал великую думу... Москва расстилалась пред ним среди осеннего утра во всей красоте своей.

На раскольничьем «Преображенском кладбище», в одно время с Кутузовым, думали тоже великую думу старшины-беспоповцы, и дума эта была далеко не патриотическая... Тень ересиарха Ильи Ковылина витала над головами пустосвятов и внушала им мысли далеко не похвальные... Скованные по рукам и ногам узкой и жалкой догмой, они сами не ведали, что творили.

Князь Кутузов, как известно, заключил заседание военного совета следующими словами: «С потерю Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставлю сохранить армию. Уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Знаю, ответственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества. С нами Бог, приказываю отступить!» Приговор Москве, таким образом, был подписан.

Но замечательно, что в то же время происходило последнее совещание и старшин «Преображенского кладбища» об участии его. Настоятель Гончаров, в присутствии Грачева, Сергея Яковлева и многих богатых федосеевцев, порешил: оставить попечителя Алексея Никифорова с некоторыми из прихожан на кладбище и в случае овладения Наполеона I-го Москвой отдаться под его покровительство... Кутузов, подписав сдачу Москвы, всю ночь не мог уснуть и несколько раз плакал: так любил он отечество свое. Совет же фанатиков «Преображенского кладбища» заключил заседание свое словами предательства. Да простит потомство невежественному фанатизму его политические грехи! Дурная религия всегда ведет людей к умственному и моральному отуплению, и лишь добрая религия благоприятствует развитию высоких и благородных чувств и ведет народы по пути истинной цивилизации...

Нечто другое мы видим в православной пастве московского населения. Улицы Москвы запрудились ратниками в смурых кафтанах и с крестом на шапке с надписью: «За веру и царя». Два архимандрита носили икону Смоленской Божией Матери по церквам и площадям: синодальные певчие пели канон Заступнице усердной, впереди шли хоругви. Из каждой церкви, мимо которой следовало шествие, духовенство выходило на сретение с крестами, звонили в колокола; народ православный восклицал: «Матерь Божия, спаси землю русскую и нашего царя!»

Среди всего этого трогательного зрелища любви народа к царю и отечеству одни пустосвяты-федосеевцы, оставшиеся в Москве, по выражению одной раскольничьей рукописи, выказали полное окаменение сердец...

Как статуи языческие с каменными глазами, выглядывали они из окон запертых домов своих и бормотали какие-то причитания, перебирая свои кожаные лестовки...

За «Преображенское кладбище» свое они были спокойны, потому что попечители их еще заранее, по одним слухам о приближении Наполеона,

озаботились отправить из Преображенского кладбища наличный капитал, все драгоценности и молодых женщин и девок, числом до 250 лиц, в село Ивановское Владимирской губернии; с ними поехали настоятели Гончаров, купец Грачов и наставник Сергей Яковлев.

В 4-м часу ночи Москве было возвещено об окончательном обречении ее в жертву Наполеону. На улицах от выезжавших поспешно экипажей было столь шумно, что слов человеческих расслышать было невозможно. Вокруг столицы запылали села, деревни. Огромное зарево разливалось во мраке над Москвой.

По Владимирской дороге тянулись обозы и раненые, толпились пешие и конные. У Коломенской заставы движение народа и тяжестей смешалось с движением войск. Миновав эту заставу, граф Растопчин сказал: «Занавес опустился, моя роль сыграна?»

Здесь же у этой заставы, близ старообрядческого кладбища, князь Кутузов сошел с лошади и сел на дрожки, обращенные к Москве. Погруженный в глубокую думу, облокотясь головой на руку, смотрел он на златоглавую столицу, прислушиваясь к последнему ее дыханию. От сонмов шедшего народа и теснившихся экипажей и повозок пыль вилась столбом. Москва уходила из Москвы. На Преображенском кладбище наставник Пафнутий Леонтьев совершал полунощницу.

Настало 2 сентября, — понедельник. В полдень Наполеон, прибыв на Поклонную гору и увидев под ногами своими Москву, воскликнул: «вон он, наконец, этот славный город!» и, сойдя с лошади, рассматривал положенную на траву карту, в зрительную же трубу окрестности Москвы и стоявшие там войска.

В этом положении он ждал депутатов из Москвы. Но увы, никто из преданных царю и отечеству не явился предателем.

Одни федосеевцы, отыскав в матросской богадельне воспитанника, умевшего объясняться на французском языке, уговаривали его в это время принять на себя обязанности посланника пред лицом Наполеона и предательски снаряжали последнему подарки... Не дождавшись посольства от православного народа (послы преображенские еще снаряжались в стенах кладбища), Наполеон приказал сделать сигнальный выстрел, и авангарды его корпусов стали входить в Москву.

В половине пятого часа 2 сентября 1812 года Мюрат въехал в Кремль и здесь же по нем был сделан выстрел. Православный ратник с крестом на шапке с надписью; «за веру и царя» бросился на одного польского офицера, приняв его за Бонапарта, и убил врага прежде, нежели могли ему воспрепятствовать. За это «русский Курций» тут же окончил жизнь под ударами врагов! Из среди крестьян один кинулся на офицера, бывшего при орудии, раздробил ему прикладом череп и рвал его лицо зубами. Так русские патриоты приняли врага в Кремле!

Между тем от Преображенской заставы двигалось посольство федосеевцев, с предательскою покорностью врагу... Огромной величины бык с веревкой на шее, везенный двумя сторожами федосеевцами, открывал шествие по улицам Москвы, по направлению к Кремлю.

За быком шел посланный, окруженный федосеевцами же, с глубокою тарелкой, наполненною золотыми червонцами.

«Посольство» пустосвятов предстало пред коменданта Дюронеля и через воспитанника матросской богадельни, выбранного для разговора на французском

языке, объясняло, что общество древних христиан, угнетаемое правительством, но имеющее по всей России своих единоверцев, к числу которых принадлежит весь почти русский народ (разумеется, тут была совершенная ложь!), покорясь Наполеону, как избавителю их, просит его величество повелеть оградить их монастырь (мостыль, как они его называли) от всех военных насилий и, уповая на милосердие, признает его своим государем. С сим челобитьем повергнуты были и дары новому коменданту московского кремля. Такое посольство не могло не понравиться Дюронелю, тем более, что оно было единственное и беспримерное..., и он, приняв благосклонно покорную депутацию, обнадежил посланных, что немедленно же за ними явится охранная стража французских жандармов, которая будет оберегать как самый монастырь, так и его окрестности.

Посланные возвратились с радостью в свой «мостыль» и рассказали федосеевцам все виденное и слышанное. Федосеевский наставник, Преображенского кладбища, Алексей Никифоров со старцами и «девицами-безбрачницами», оставленными на кладбище в некотором количестве на всякий случай..., для наполеоновских гостей..., затаили гнусливым голосом во всю ночь каноны от радости великой о спасении и будущем всеобщем водворении федосеевской веры в Российском государстве.

Так кончился день 2 сентября 1812 года!

3 сентября, в одиннадцатом часу утра, Наполеон I-й, как известно, въехал во внутрь города Москвы. Арбат был совершенно пуст. Наполеон ехал на маленькой арабской лошади, в сером сюртуке, без всякого знака отличия. Впереди, на расстоянии сажен ста, ехали два эскадрона конной гвардии. Подъехав к кремлевским стенам, он сошел с лошади и сказал: «Вот эти гордые московские стены!» Затем вступил в чертоги русских царей.

В это время запылали Гостиный двор и Каретный ряд, и к вечеру огонь, при поднявшемся порывистом ветре, обратился в один огромный, неизмеримый пожар.

На «Преображенском кладбище» в это время были полное спокойствие и тишина. Туда еще рано поутру прибыли, согласно обещанию коменданта, французские жандармы, заняли входы у ворот приютов, как мужских, так и женских, и коротко знакомились с безбрачницами... продовольствуясь избыточно на счет монастыря. В полночь вокруг Кремля ничего не было видно, кроме извивавшегося в воздухе под облаками пламени. В эту ночь, с 3 на 4 сентября, пожар достиг высочайшей степени и нарушил равновесие атмосферы. Среди противоположной борьбы стихий, ветра с огнем, настали ужасы природы, и всепожирающее пламя, сквозь черные тучи клубящегося дыма, устремлялось к кремлевским дворцам.

Головни начали падать в Кремль; несколько раз загорался арсенал. Все это побудило Наполеона на другой же день оставить Кремль, и он, 4 сентября в 2 часа пополудни, чтобы не сгореть, выехал, оставив в Кремле для содержания караулов батальон гвардии. В Петровском дворце Наполеон жил четыре дня, с 4 по 8 сентября, пока пожары в Москве не стали утихать. В это время не существовало уже и четвертой части Москвы: стоял только обезображенный, ограбленный, дымящийся остов столицы. Курились пепелища, и громада золы в окружности на 40 верст покрывала землю. Некоторые бивуаки в Кремле были построены из больших местных образцов...

Безопасно и неприкосновенно стояло в это время «Преображенское кладбище». Вход для русских был закрыт в кладбище, но выход живущим в нем не

был запрещен. Там ежедневно служились полунощницы, часы и вечерни и распевались каноны за французов, хранителей и восстановителей раскольничьей веры в России...

Всякий день наряжался в Кремле на караул один полк, у каждого двух отпертых ворот стояло по 106 пушек, а у заваленных ворот по 8 человек. Отдан был приказ — ни под каким предлогом не впускать ни одного русского в Кремль; при всем том, один из мрачных федосеевцев пробрался туда с 11 на 12 сентября за остатками древней церковной добычи, за что и были арестованы французские офицеры, бывшие тогда на карауле.

Наполеону была передана весьма подробно речь посланников от «Преображенского кладбища», предложившего золото и быка новому царю России... и вот он, вспомнив об этом, лестном для него посольстве, хвастливо объявившем, что к вере пустосвятов-федосеевцев принадлежит почти весь русский народ в России, в сопровождении неаполитанского короля и своей свиты, вздумал через две недели по вступлении в Москву посетить лично Преображенское кладбище. В это время некоторые церкви католического и лютеранского исповедания были открыты и в них беспрепятственно отправлялась божественная служба, православные же церкви и монастыри стояли большею частью сожженными и разграбленными.

Некоторые церкви были обращены в казармы, другие в магазины, конюшни и бойни; во всех престолы были сдвинуты с мест и святость храма поругана. У Красных ворот устроена была мишень из образов, для стрельбы в цель. Из Вознесенской церкви на Гороховом поле солдаты похитили, с другими вещами, брачные медные венцы, надевали их на медведя и заставляли его плясать.

Наполеон выехал из Кремля в «Преображенское кладбище» в мундире темно-зеленого сукна, с красным воротником, без шитья, со звездой на левой стороне, с лентой по камзолу и в низенькой трехугольной шляпе на простой польской лошади. При первой встрече с ним, православные убежали прочь, федосеевцы же спокойно и приветливо смотрели на поезд из окон их уцелевших домов.

В одном переулке, близ Охотного ряда, бывшим месте жительства знаменитого Ковылина, где остались целыми его дома, завещанные Преображенскому кладбищу, федосеевцы вышли из этих домов и с умилением стали в грязи на колени, простирая к Наполеону верноподданнически руки... На улицах по мостовым встречал Наполеон разбросанные, разорванные или разломанные люстры, зеркала, посуду, мебель, картины, книги, церковные утвари, на площадях трупы людей, убитых, сгоревших: никто не убирал человеческих тел.

К принятию Наполеона преобразенцы приготовились заранее, извещенные правителями Москвы, и вышли ему навстречу с изменническим хлебом и солью, которые поднес Наполеону стоявший впереди всех Алексей Никифоров... Спустя несколько дней, в занимаемую унтер-офицером жандармов контору кладбища привезены были станки для печатания фальшивых русских ассигнаций... и стук станков мешался с гнусливым пением федосеевцев, молившихся за своего нового царя...

Не то мы видим в православных паствах Москвы! Ровно две недели со вступления Наполеона в Москву не было в ней православного богослужения и не оглашалась она благовестом, и лишь 15-го сентября священник кавалергардского полка Грацианий, взятый в плен французами, выпросил дозволение совершать службу Божию, но с условием, чтобы не было возбранено ему молиться о

Российском Государе и поминать на эктении Императорский дом, вместо Наполеона.

Так тянулся весь сентябрь месяц в Москве для православных и федосеевцев! Что же делали федосеевки-безбрачницы, привезенные в село Ивановское? Дочь попечителя Драчева разместила их и подкидышей в лучших избах, платя щедро обывателям за квартиры; с помощью бывшей при ней, в виде приказчицы, Феклы Ефимовой, она продовольствовала их со всем избытком; работники с фабрики ее отца, за ней последовавшие, им прислуживали. Село Ивановское, и до того богатое, обогатилось еще более от щедрой жизни вновь прибывшей общины Преображенской и не одна сотня жителей чрез связь с ней совертилась от православия.

Вторая половина сентября месяца для Преображенского кладбища также прошла благополучно, как и первая. Нередко появлялись неприятельские отряды в окрестностях кладбища, но жандармы воспрещали им приближаться к его стенам, напоминая об охранных листах, выданных Наполеоном. Между тем Наполеон I вторую половину сентября скучал в Кремле, в ожидании мирных предложений от императора Александра I. Не дождавшись ни покорности, ни ответа на свои предложения от Александра I, Наполеон после 30 сентября начал думать об оставлении Москвы, тем более что к концу сентября заморозки становились по ночам чувствительны для непривыкших к холоду и легко одетых неприятельских войск. Небо задернулось серыми осенними тучами, заморосили дожди, задули осенние ветры, выпал даже мелкий снег, предвестник зимы; наступали холода.

1 октября Наполеон I-й приказал, наконец, готовиться к выступлению из Москвы; стали укладывать военную добычу, состоявшую из деревянного московского герба, снятого с крыши сената, и слитков серебра и золота, натопленных из окладов икон, а также и снятого с Ивана Великого креста, назначенного Наполеоном для новой церкви, предположенной выстроить близ Лувра. Все войска выступили из Москвы и расположились за заставою на старой Калужской дороге. Простились тогда и преображенцы с охранительною гвардией жандармов, которые получили на дорогу низкие поклоны и благодарность старшин, а некоторые — сердечные вздохи безбрачниц, оставшихся с залогами дружбы... от любезных охранителей кладбища.

На утро седьмого октября войска Наполеона тронулись в поход, оставив в Москве тридцать тысяч человек, погибших во время 6-ти недельного пребывания Наполеона в Москве, то от пожара и болезней, то от руки русских патриотов, оставшихся в Москве. На расстоянии от Москвы более 30 верст тянулось в 4 ряда более 10.000 карет, колясок, дрожек, бричек, фур и телег, нагруженных продовольствием и награбленною добычею. За армией ехала стая распутных женщин и несколько федосеевок-безбрачниц, сбежавших с кладбища.

Вслед Наполеону раздавались проклятия православных жителей Москвы, которые появлялись из подвалов и развалин и нападали в глухих улицах на отсталых и запоздавших неприятелей, бросая некоторых из них в реку и побивая камнями, взятыми с мостовой. С наступлением мрачной осени и туманной ночи на 8 октября, в 2 часа ночи, внезапно выстрелили из пушек и раздался необычайный грохот. Небо запылало багровым заревом: кремлевские башни и стены летели к облакам, и горел дворец, зажженный в то же время. Посягнув на кремль, Наполеон в пламени капитолия русского царства зажег погребальные факелы своей славы. До 11 октября целых 3 дня Москва оставалась без всяких войск неприятельских и русских, без всякого начальства и присмотра.

Обеспеченные безопасностью, наставники федосеевские не теряли, однако, возжеленного времени даром и горестные для русских дни употребляли на святотатство в горящей Москве. Иван Коровин тащил древние иконы из Сретенского монастыря, Яков Михайлов, Григорий Кирилов из Успенского собора. Дерзкою рукой похищены в это время некоторые образа Божьей Матери и части мощей святых Никифором Тимофеевым. Кремль своими древними святынями не удовлетворял их алчности... Они, перетаскивая на себе тяжести, наваленные французами обкрадывали приходские церкви, похищали древние иконы, прокрадываясь для того даже в опустевшие дома... Иногда за кусок хлеба выменивали древние церковные утвари у голодных французов. Одним словом, можно сказать, что если враги России похитили золото и серебро из храмов московских, то оно частью пополнилось отнятием его у них, частью пожертвованиями русских, которых сердца горят не угасимою любовью, к храмам Божиим; но ничто не может возвратить живописи и дорогих церковных старинных вещей, похищенных преображенцами: ими гордились и украшались московские церкви и соборы.

Генерал-майор Иловайский 4-й вступил в Москву лишь 11 октября. Увидя русские войска, жители почитали себя восставшими из мертвых и поздравляли друг друга, как в Светлое Воскресенье. При появлении казаков на погорелище Каретного ряда, перевозаженного бескорыстною доблестью русских, вышла женщина из развалин, взглянула на казаков, воскликнула: «Русские!» и в изступлении радости, перекрестясь, поклонилась в землю.

После погрома жители представляли к военному начальству доставшиеся им по разным случаям во время неприятельского нашествия сторублевые ассигнации французского на Преображенском кладбище изделия, так искусно сделанные у гостеприимных федосеевцев, что даже в ассигнационном банке приняли их, с первого взгляда, за настоящие. Они отличались от русских ассигнаций только тем, что подпись на них была выгравирована.

Когда безобразия на московском Преображенском кладбище достигли огромных размеров, расхищение капиталов раскольников с кладбища старшинами его и вообще беспорядки в раскольном мире достигли до геркулесовых столбов, и некоторые из раскольников, что поумнее, сами обратились к высшему правительству за помощью, прося неотложного вмешательства, последовало Высочайшее повеление о переборке коноводов раскольников и высылке их из Москвы.

По правительственному расследованию особенно вредными и нетерпимыми в Москве коноводами раскольников, Преображенского кладбища, оказались: Семен Кузьмин, Федор Гучков, Иван Стрелков, Константин Егоров и Егор Гаврилов, которые должны были быть высланы из Москвы в разные губернии, а некто Бузин предназначен к отдаче в Москве под строгий надзор полиции.

Семена Кузьмина определено было поместить во второклассный Крестовоздвиженский мужской монастырь, Полтавской епархии, и поручить настоятелю сего монастыря принять его в оный, по доставлении туда гражданским начальством, при чем поступать с ним кротко и снисходительно, с пресечением, однако же, ему средств сообщаться с посторонними, неизвестными настоятелю монастыря лицами и располагать его назидательными беседами при удобных случаях к оставлению своих заблуждений.

Из прочих лиц, подлежащих высылке из Москвы, назначены были: Федор

Гучков — в Петрозаводск, Иван Стрелков — в Вологду, Константин Егоров — в Пензу и Егор Гаврилов — в Вятку, с тем, чтобы они были высланы из Москвы с принятием всех мер против укрывательства, и отправлены каждый под благонадежным присмотром, по прибытии же на места представлены были начальникам губерний непосредственно.

Вследствие сего, бывший настоятель Преображенского дома Семен Кузьмин, 23 января 1854 года, в 7 часов вечера был взят из Тверской части, где содержался арестованным, и отвезен в секретное отделение, находившееся в доме генерал-губернатора, а оттуда, около 10 часов вечера, был отправлен, при двух жандармах, в г. Полтаву.

Федор Гучков и Егоров отправлены 27 января 1854 года вечером, под присмотром жандармов, к начальникам губерний, Гучков — олонецкому, а Егоров — пензенскому.

Наконец, 28 января и остальные коноводы — Стрелков и Гаврилов — отправлены были вечером, под присмотром жандармов, к начальникам губерний, Стрелков — вологодскому, а Гаврилов — вятскому.

Скажем несколько слов об этих лицах.

Старший настоятель Преображенского кладбища Семен Кузьмин был цеховой, крещеный на Преображенском кладбище в первый год его по учреждении, т. е. в 1772 году; в молодости он занимался мастерством шелковых изделий; с 1806 года поселился на Преображенском монастыре, был псаломщиком, уставщиком, помощником настоятеля, а с 1836 г. состоял в звании старшего настоятеля и эконома. Семен Кузьмин никакого личного состояния не имел, но потом порядочно разжился на монастырские денежки.

Купец Федор Гучков в 1875 году имел 75 лет, уроженец Калужской губернии, был старшим попечителем Преображенского богаделенного дома и приобрел огромное состояние, основанное, главным образом, по всеобщему убеждению и донесениям правительству, на капиталах Преображенского монастыря. Жил, однако, он в 1853 году в самом тесном и грязном помещении, разумеется ловко отводя всем глаза, мел сам двор, собирал старые гвозди и т. п. Постоянный разговор его заключался в том, что настоящая жизнь есть ничто и что нужно помышлять о спасении в будущей, что, однако, не мешало ему зашибать себе деньги.

Федор Гучков имел большое число приверженцев и огромное влияние на раскол денежными средствами.

Когда московские власти порешили вызвать старшин или так называемых попечителей Преображенского богаделенного дома и отобрать от каждого из них порознь показания о том, где хранится, как донесено было им, растроченный капитал, вырученный за недвижимые имения, дому сему принадлежавшие, то спрошенные попечители на допросе объяснили: попечитель Федор Гучков, что недвижимое имение, принадлежавшее Преображенскому богаделенному дому, заключавшееся в домах и землях в Лефортовской части состоявших, было продано, согласно Высочайшего повеления, разным лицам, из коих мельница и два дома с землями были проданы сыну его Ефиму Федоровичу Гучкову и ему же были проданы, не упомянуть (?) сколько именно, лавок в городской части, на Варварской улице; но в какую именно сумму составил капитал, вырученный от продажи имения, он не упомянет (?). Продажа производилась без вызова через газеты, по

вольным ценам, по-домашнему, в конторе Преображенского богаделенного дома.

Попечитель Алексей Никифоров на допросе отозвался, что, действительно, недвижимые имущества, принадлежавшие Преображенскому богаделенному дому, проданы были согласно Высочайшего повеления, и куплены Ефимом Федоровым Гучковым; за сколько же именно он купил их и в каком количестве составил капитал, вырученный за проданные имущества, ныне припомнить не может. Сей капитал был положен в сохранную казну на неизвестного, и билеты хранились у попечителя; впоследствии же он, Алексей Никифоров, обще с Гучковым, сей капитал из сохранной казны, без ведома правительства, получили для расходов по богаделенному дому, на что разрешения от начальства не просили, а взяли по собственному их, попечителей, усмотрению, и наконец, весь этот капитал... израсходовали на разные предметы по богаделенному дому, но отчетности в израсходовании сих денег никем требовано не было.

Эконом Семен Кузьмин отозвался, что капитал, вырученный от продажи имений, принадлежавших Преображенскому богаделенному дому, он не знает, на каком основании был взят из сохранной казны, но это было сделано по усмотрению и распоряжению самих попечителей; разрешения же от начальства получено не было. Деньги брались по мере надобности, а не все вдруг; из них употреблялись все на разные предметы; расходами заведовал он, Семен Кузьмин, и деньги получал от всех попечителей, в чем отчетности от него не требовалось, и потому сведений о сем в конторе богаделенного дома не имеется.

Такие наивные ответы бесконтрольных распорядителей чужими деньгами, разумеется, не удовлетворили правительство, и оно потребовало от древлеблагочестников, растративших, а, может быть, разобравших чужие деньги по своим карманам, внести в казну кладбища сумму, по крайней мере равняющуюся той, за которую по купчей крепости, если не проданы, то переданы почетному гражданину Ефиму Гучкову имущества богаделенного дома, т. е. 75,000 р. Виновные струсили, и сумма эта, наконец, была растратившими ее внесена и в двух билетах опекунского совета составила, уже под надзором правительствами, неприкосновенный капитал, проценты с которого поступали потом ежегодно на надобности Преображенского богаделенного дома.

Вот какие дела совершались на пресловутом Московском раскольничьем «Преображенском кладбище», пока, наконец, правительство не подобрало к рукам бесконтрольных распорядителей общественным добром беспастушного стада раскольничьего.

Но возвратимся к высланным из Москвы главарям раскола.

Федор Гучков, отправленный в Петрозаводск, прибыл туда 2 февраля 1854 г. и водворен на жительство. Но в самый день его туда прибытия прибыли из Москвы и жившие там на «Преображенском кладбище» некоторые из его почитателей с целью оставаться в Петрозаводске при Гучкове. На проезд свой эти лица имели подорожную, а на отлучку паспорт. Так как эти субъекты, по принадлежности своей к Преображенскому в Москве кладбищу, могли в Петрозаводске быть очень вредны, а тем более оставаясь при Гучкове, то тамошние власти и приказали их арестовать при полиции, впредь до особого распоряжения, признав полезным, не оставляя их в Петрозаводске, возвратить с жандармами в Москву на их счет и, кроме того, воспретить раскольникам как Преображенского, так и Рогожского кладбищ не только не прибывать в Петрозаводск для свидания с Гучковым, но и входить в какие-либо с ним сношения, распространив это запрещение вообще на

всех живущих на тех кладбищах.

Меры эти тем более власти находили необходимыми, что олонецкие раскольники находились в тесных связях с московскими раскольниками и под видом свидания с Гучковым, хотя бы самых близких его родственников, все эти лица могли иметь случай соединиться с олонецкими раскольниками; пронырство и хитрость их в таких случаях до того изошрены, что они ни малейшего обстоятельства или случая не упускают из виду, чтобы не воспользоваться ими в свою пользу.

Остальные коноводы были доставлены: Константин Егоров в Пензу, Иван Стрелков в Вологду и Егор Гаврилов в Вятку.

Что же касается до Бузина, оставленного в Москве, то этот сектатор остался верен обычаям раскольника... Он не мог оценить снисхождения к нему и стал вести себя в упор враждебно православию. Вследствие этого и он был назначен в ссылку в один из городов Харьковской губернии, куда 1 февраля 1854 года и был препровожден.

Так Москва избавилась от самых злых и самых вредных коноводов раскола. В это время Преображенское кладбище едва не погибло в самом корне. В нем не только воспрещено было говорить торжественно совратительные проповеди, но и принимать для «призрения» приходящих; дозволялось лишь только доживать свои последние годы тем лицам, которые были приняты издавна.

В шестидесятых годах Преображенское кладбище снова было вступило в прежнее право своего существования и, как бы в благодарность за дарованную свободу, с новой силою стало продолжать свою мрачную деятельность, для описания которой уже много-много было пролито чернил. Но все же оставшиеся без коноводов раскольники скоро почувствовали свои заблуждения. С этого момента начался лучший период в истории Преображенского кладбища. На кладбище явилось единоверие. Безобразия стали уничтожаться с каждым годом, и в этом притоне непотребства и расхищения общественных денег утвердилось единоверие и даже открыт единоверческий монастырь.